

ниям. Во многих городах смертность врачей и обслуживающего персонала была чрезвычайно высокой, в Московской губернии, например, только смертность от тифа достигала 12 % [2. Л. 3]. «Город Ярославль, – говорится в докладе о санитарном состоянии губернии осенью 1919 г., – сверх всякой меры переполнен заразно больными красноармейцами; медицинский и обслуживающий персонал болеет и гибнет от эпидемии несравненно больше, чем в прошлом году. Заболеваемость свыше 50 % и необычно высокая смертность. Первые две недели декабря сего года [1919 г. – Н. М.] в одном Ярославле от сыпного тифа умерло 4 врача. Заболеваемость обслуживающего персонала доходит до 80 %» [2. Л. 10].

В 1919 году ситуация с финансированием больницы не изменилась. Заведующий санитарно-эпидемическим отделом Е.И. Лифшиц писал: «Все приходные суммы медико-санитарного отдела состоят исключительно из случайных поступлений, главным образом в виде позаимствований, и без остатка поглощаются текущим жалованием» [2. Л. 7]. За отделом накопился огромный долг, который к концу 1919 г. составлял около 1 млн рублей. Осенью 1919 г. в докладе, отправленном медицинскими сотрудниками больницы в медико-санитарный отдел, говорилось о том, что ин-

фекционное отделение, как и вся больница, «приходит в крайний упадок и лишается возможности всякого целесообразного ведения дела вследствие как общей недостаточности ассигнуемых на нужды больницы средств, так и необычайной задержки даже и отпускаемых сумм» [1. Л. 113].

Как отмечал Г. И. Лифшиц, «каждые полмесяца приходится опасаться, что отдел не достанет денег даже для выплаты жалования и персонал разбежится от голода. О каких-нибудь санитарно-технических улучшениях, пополнении инвентаря, расширении существующих учреждений и т. п. в подобной обстановке длительного финансового кризиса думать совершенно невозможно» [3. Л. 8]. Однако, обратившись к итогам работы ярославских врачей во второй половине 1918–1919 гг., можно увидеть следующее: эпидемия холеры была вовремя взята под контроль, ассенизационная проблема решена поздней осенью 1918 г. и эпидемии весной 1919 г. не возникло, а заразные заболевания, вспыхивавшие в различных районах Ярославля, были быстро остановлены. На наш взгляд, это является доказательством того, что, несмотря на тяжелейшие условия труда, ярославские врачи мужественно выполнили свой долг.

Библиографический список

1. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 22.
2. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 31.
3. ГАЯО. – ФР-3456. – Оп. 1. – Д. 32.

Г. В. Мурзо

МЕЖДУ МИРОМ И ВОЙНОЙ: ПИСЬМА К. Ф. НЕКРАСОВА К С. Л. ЩЕРБА

Письма к С. Л. Щерба, положенные в основу статьи, позволяют воссоздать хронику жизни К. Ф. Некрасова. Предметом исследовательского внимания является личность пишущего, воспринимаемая в контексте времени и сквозь призму общения с женой.

Ключевые слова: 1914 год, «Лавка древностей» и журнал «София», поездки по родной земле и путешествие на Восток и Запад, начало войны и конец «Софии», газета «Голос» и книгоиздательство.

G. V. Murzo

BETWEEN PEACE AND WAR: K. F. NEKRASOV'S LETTERS TO S. L. SHCHERBA

S. L. Shcherba's letters, which this article is based on, help to reconstruct K. F. Nekrasov's life chronicle. The subject of investigation is the writer's personality which is perceived in the context of time and in the light of communication with his wife.

Key words: the year of 1914, Antiquity Shop, the magazine "Sophia", trips around one's native land and traveling to the East and West, the beginning of war and the end of "Sophia", the newspaper "The Golos", the book-publishing.

Воссоздавая по письмам К. Ф. Некрасова его жизнь в предвоенное время, осмысливая само это время, обратимся к свидетельству Павла Павловича Муратова, сделаем его голос камертоном собственных рассуждений.

Искусствовед, переводчик, эссеист, соратник во многих начинаниях Некрасова-книгоиздателя, он был его другом и доверенным лицом в описываемый нами период. Много позже, анализируя минувшее, Муратов утверждал: «С 1910 года пережившая социальные катаклизмы Россия процветала». Он имел в виду не только промышленный бум и быстро развивающуюся науку – актуализировались другие признаки созидательного подъема, подкрепленного материальным благополучием:

«...В Москве и Петербурге печатались талантливые, отлично изданные книги, и поезда по русским дорогам ходили очень хорошо. С одного из московских вокзалов можно было умчаться к Тихому океану, с другого, перейдя из <...> санок в удобный вагон, через несколько дней доехать до солнечных гор Ферганы и голубых мечетей Самарканда. <...>

Те удивительные годы давали творческую силу всякой значительной инициативе. Я помню, например, как на моих глазах последовало открытие древней русской живописи, о которой совершенно ничего не подозревали предшествовавшие поколения. В несколько лет с необыкновенной быстротой создались великолепные собрания икон, сияющих радостными красками, – новая гордость России. Музеи обогатились щедрыми пожертвованиями. В далеком и заброшенном Ферапонтовом монастыре сооружались леса для цветного фотографирования древних росписей. Новгород и Псков со своими церквями и монастырями, фресками и иконами становились воскресшими русскими Флоренцией и Сиеной...» [12. С. 254–255].

К. Ф. Некрасов откликнулся на культурные запросы времени и в себе аккумулировал его черты. Вынужденный оставить политику, он добился успеха на издательском поприще и в деле народного попечительства. Осуществилось и желание стать к сорока годам финансово независимым. В сентябре 1913-го Константину Федоровичу исполнилось сорок, и он был абсолютно свободен в выборе рода деятельности, а она, в свою очередь, обуславливала общественное признание и тот уровень жизни, на который он претендовал.

Ведя дела, Некрасов был ни расточителем, ни прижимистом, последовательно аккуратен в договорных отношениях с партнерами, предприимчив, мобилен. Эти качества, усиленные личным обаянием и авторитетом знаменитой фамилии, позволили ему привлечь к совместной работе и сделать единомышленниками известнейших и умнейших людей своего времени: журналистов и критиков, писателей и поэтов, художников и ученых. Они же, делаясь знаниями, давали ему силу стремиться от достигнутого к большему. И это «большее» не было собственно «состоянием». Приумноженное наследством, полученным от умершего летом 1913 г. отца, Федора Алексеевича Некрасова, его состояние было средством реализации индивидуальных культурных программ, обеспечения их социально значимого результата.

Диапазон устремлений К. Ф. Некрасова заметно расширился, формы активной деятельности обновились. Он принадлежал к святыням Пскова и Новгорода, мечтал увидеть северные монастыри; путешествовал по Европе и Азии; полюбив искусство, собирал антиквариат. Торговля редкостями должна была принести ему дополнительные средства для создания художественной галереи. На страницах своей газеты «Голос» и в общественных собраниях Некрасов ратовал за сохранение архитектурных памятников родного Ярославля, пропагандировал его культурные ценности, вместе с Муратовым основал журнал литературы и искусства «София», связав с ним самые смелые просветительские планы на будущее [16].

«Затем наступила война», – скажет П.П. Муратов, ушедший на фронт в первые же дни мобилизации. Как и Муратов, как и большинство в начале военной кампании, Некрасов будет верить в скорую победу и продолжать работать. Инерция мирной жизни объяснялась сознанием перспективы начатых дел, волей к их осуществлению и была формой сопротивления разрушительным силам.

Отношения с Софьей Леонидовной, насколько позволяет судить переписка, к концу 1913 – началу 1914 года внешне оставались равными. Будучи хозяйкой его «Лавки древностей», она жила в Москве – Некрасов бывал у нее наездами. В разлуках и встречах, в телеграммах и телефонных звонках чувствовался ритм убыстренной механизированной жизни.

В значительной степени их общение и структурировалось письмами. Хронологическая

ограниченность встреч привела к расширению эпистолярного дискурса, частично к его трансформации. Короткие записки сошли на нет; в развернутых посланиях преобладал деловой компонент. Открытое проявление чувств Некрасову не было свойственно, а внимание сказывалось в заботах о здоровье Софьи Леонидовны, ее эмоциональном равновесии. Правда, разъезды давали повод к передаче непосредственных впечатлений от смены жизненных декораций, оценки увиденного, но эти новые письма напоминали прежние крымские так же мало, как режимный отдых у моря – стремительное европейское турне [18] или затянувшийся персидский вояж.

Подступая к посланиям Некрасова-экскурсанта (деловая подоплека этих поездок не выявлена), вновь дадим слово П. Муратову. «Мы умели понимать и ценить Европу – Париж, Италию, старые немецкие города, – писал он [12. С. 244]». Теперь заменим муратовское «мы» на его же «среднее сословие», обозначив едва видимую границу между поклонниками европейской культуры и потребителями европейского комфорта, которые накануне войны стали приметой времени – «эры великих соблазнов»:

«...Среднее сословие было пленено, покорено, очаровано Германией. Врачи, адвокаты, инженеры, коммерческие люди <...> стремились туда, возвращаясь в восторге от дешевизны, от удобств, от порядка, от чистоты, хваля отели и улицы, курорты и железные дороги, музеи и библиотеки, мюнхенские пивные и берлинские автоматические рестораны» [12. С. 221–222]».

Некрасов тоже хвалил, но очень избирательно, и вкусовые его суждения выдают характер запросов:

«Дорогая Софья Леонидовна! Хочется мне поделиться с Вами своими впечатлениями о Берлине. Доехал я, конечно, хорошо без особых затруднений на границе. Немцы ведь народ дельный, все у них идет, как заведенная машина <...>. Берлин – город во всяком случае интересный <...>, улицами и огромными садами производит впечатление какой-то широты. Необычайная чистота также приятно действует после московской грязи. <...> Эстетических впечатлений берлинская жизнь дает мало. Некрасивые лица, некрасивые позы, неизящные в массе туалеты...».

Дальше бранил «базарные» открытки в магазинах, «лакействующую» парочку модных танцоров в кафе, нетребовательность взиравшей на них публики. Что ему, театралу, доставило наслаждение, так это вечер в «Немецком театре», где давали «Венецианского купца» в постановке известного Макса Рейнгардта. Талантливая игра актеров и бесподобное оформление спектакля, на которое научили взыскательно смотреть «мирискусники», были вне критики:

«Перед глазами прошла настоящая старая Венеция с ее мраморными дворцами, каналами, роскошными пестрыми одеждами, безумным весельем, музыкой и карнавалами» [4. Л. 1-1 об.].

Из выставок особенно понравился «Kaiser Fredrik museum» с его богатой коллекцией итальянской, фламандской, испанской живописи, отделом персидского искусства. Некоторые ковры Константин Федорович с удовольствием узнавал по виденной еще в Москве книге.

Восторг и благоговение сдержанного Некрасова вызвал Кельнский собор: «Когда я ехал из Берлина <...> мне удалось посмотреть знаменитый <...> собор. Действительно, это нечто грандиозное <...>. Две остроконечные башни уходят в самое небо. Был еще ранний час. Внутри тишина, мрак, только слабый свет проникает сквозь высокие цветные окна с фигурами святых; кое-где видны молящиеся...» [4. Л. 5 об.].

Шутливо хвастался, словно перед наставницей, что начал понимать немецкую речь, зато боится забыть французский. Дорога еще не поворачивала назад, и, прощаясь, намекал на чувства:

«Пишите мне почаще, Софья Леонидовна», «как живете, как настроение (пусть будет хорошее)»; «Ваши гвоздики чудно пахли всю дорогу, а почему-то после ночи, когда увядали, пахли еще лучше» [4. Л. 2-2 об.].

Следующий фрагмент письма представляет Некрасова неожиданно растроганным после посещения урока ритмической гимнастики «в школе Александровой» перед самым отъездом из Москвы: девочки-босоножки, в черных чулках и костюмчиках, непринужденно и с явным удовольствием выполняли под музыку упражнения.

«Ну, какая это была прелесть, если бы Вы знали! <...> Я почти плакал от радости», – признавался Константин Федорович. Произнесшая

«слово» руководительница была так убедительна, что ему захотелось отдать туда Таню, дочь Софьи Леонидовны: «ведь это великолепная подготовка к музыкальному образованию» [4. Л. 2-2об.].

Но почему бы не предположить, что была и другая причина, объясняющая это воспоминание. Новые яркие ощущения выявили ценность незамысловатой демонстрации. Ведь и «пройти по многолюдной улице Парижа, Лондона или Берлина – значит принять участие в ритмическом исполнении. Для этого исполнения имя еще не найдено. <...> Но в современных уличных ритмах есть сила, могущественно увлекающая их участника», – подтверждал Муратов [12. С. 83].

Многоопытный путешественник, он подчеркивал, что «прохожий, оказавшийся <...> на Potsdamer Platz в Берлине, лишенной, надо заметить, какой бы то ни было художественности, покидает эту площадь, испытав подъем жизненных энергий, не менее подлинный в своем роде, чем тот, который дает испытывать колоннада Бернини в Риме» [12. С. 82].

Пребывая в Берлине, «обретаясь в Париже», Некрасов, вместе со многими другими, давал основания подобным утверждениям. В общем, Париж ему понравился: жизнь была ключом, движение на больших бульварах потрясало воображение [4. Л. 4. 4 об.]. Кроме «лувских итальянцев и Джоконды», посчастливилось увидеть народный праздник, какой обычно бывает в середине поста. Именно это уличное действо Константин Федорович запечатлел в своем письме:

«Выбирают самую красивую из парижских торговек, и устраивается грандиозное шествие по улицам города: идет целый ряд громадных колесниц разных эпох, на одной из них едет выбранная “царица цариц”. Публика, несмотря на дождь, необыкновенно оживлена, на некоторых маски, маскарадные костюмы, бросаются конфетти» [4. Л. 5, 5об.].

Никто не предполагал тогда, что ритмы, управляющие карнавальными толпой, скоро сменит чеканный шаг марширующих солдат – не мог знать этого и Некрасов.

В запросах материального свойства он был скромнее: «Поселился я на Avenue de l'Opera, 39, Hotel Bellevue. Место здесь центральное, от всего близко. Комната (7 франков) довольно приличная, есть маленький балкончик, и к небу близко – шестой этаж <...>. Пи-

таться можно необыкновенно дешево и хорошо в то же время, по крайней мере, по моему вкусу – всевозможная зелень, отличные омлеты, хорошая рыба. Сегодня <...> великолепный завтрак с вином стоил мне 2 фр<анка> 75 с<антимов>!» [4. Л. 5, 5об.].

Относительно языка добавлял, что чувствует себя вполне сносно: «Хотя объясняюсь я <...> неправильно, но все-таки нигде не встречаю почти никаких затруднений – покупаю и нахожу все, что мне нужно. <...> Видел сегодня в одном магазине “восточный талисман от слез” – думаю, не купить ли для моих добрых знакомых, да и для меня иногда сможет пригодиться».

Так он, солидаризируясь, пытался помочь Софье Леонидовне пережить «несчастье», о котором она поведала ему письмом; шутил, отвлекал от тяжелых мыслей легким, не слишком последовательным разговором; кстати, напоминал о деле: «Тут масса антикварных лавок, продаются старые гравюры, иногда недурные, очень дешево, 25–50 сан<тимов>» [4. Л. 5].

В какой-то момент Константин Федорович одергивал себя: «Быть может, Вам не до моих рассказов теперь. Напишите мне, дорогая Софья Леонидовна, хоть немного, как себя чувствуете...». И, приписав итальянский адрес русских знакомых, вынужденно оставлял ее.

В описании «божественной Италии» урбанистические черты отсутствуют: за строчками мы не слышим шума уличной толпы, вскриков автомобильных клаксонов, не видим электрических сполохов рекламы: ритм жизни другой и верх берет «старомодное природолюбие».

В скитаниях по Флоренции и ее окрестностям Некрасова сопровождал личный гид – когда-то высланная из России курсистка, теперь поглощенная итальянским искусством и мечтающая окончить здешний университет. Пешком, в жару и пыли, забывая о еде и отдыхе, к которому не располагала и «дурная» гостиница, девушка водила его по живописным местечкам, потом повезла в Сиену.

В письме к Софье Леонидовне, лишь упомянув о знаменитых галереях Флоренции, Некрасов отдавал должное окружающим город цветущим холмам – они тоже были любвеобильной Флоренцией, которая, по словам Муратова, готова любящего «увенчать ветвями оливок и лавров, фиалками и розами, разостлать <...> ковры серебряного света» [14. С. 106].

Некрасов особо остановился на поездке по озерам Лугано и Комо, увиденным в необычный, редкий, момент:

«Как только пароход выехал из Комо, началась гроза и нечто вроде бури. Было хорошо, особенно после, при заходе солнца...» [4. Л. 18 об.].

Вместе со спутницей Константин Федорович пытался фотографировать и накупал «целый ворох открыток». Подобно пробным фотоснимкам, его письменным зарисовкам не хватало удачно найденного ракурса, панорамности, поэтому добавим, как хорошую открытку, живописный набросок писателя Б. Зайцева, в свое время мчавшегося европейским экспрессом на встречу обожаемой Флоренции:

«...Вот Беллинцоне, средневековые “кастеллы” – крепостцы, в лицо дует светлый итальянский ветер, в церквушках с узенькими колокольнями звонят итальянцы, однозвучно и нежно, белеют виллы, рыжеют крыши черепичные, – и в дивном упоении стоите вы перед городом Комо» [9. С. 15].

Может, литературные ассоциации и посещали Некрасова, но он нигде не упомянул об этом, не вспомнил и книги П. Муратова, ставшей для русских своеобразным путеводителем по Италии. Например, И. Бунин, в начале 1914 г. посетивший эту страну, вел ироничный диалог с образами муратовской книги [12. С. 11]. Впрочем, возможно и то, что над колдовской гладью притихших озер Константин Федорович, не обладавший бунинским артистизмом, но не уступавший ему в привязанности к родине, уже различал мираж России: на 5 дней отправился в Рим, на 2 – в Венецию, а оттуда без остановки до Москвы [4. Л. 17–18].

Прославившийся «Образами Италии», но успевший стать авторитетным исследователем и популяризатором древнерусского искусства, Павел Муратов находился в то время под сильным воздействием открывшихся ему образов родины. Собирая материал для «Истории русского искусства» Э. Грабаря, он много путешествовал по старым городам и публично опровергал устоявшееся мнение, что ездить по России в поисках художественных впечатлений не стоит, поскольку «деревня везде одинакова, уездные города убоги, губернские скучны, те и другие безрадостны, в лучшем случае бесцветны...» [12. С. 257]. Он «заступался» и за Ярославль, «так отлично стоящий над Волгой», и за «глядящийся в озеро Ростов Великий»

[12. С. 258], где произошла когда-то его первая встреча с русской стариной: здесь «еще крепко держит она свой порядок, свою честь и святость» [13. С. 26].

К концу 1913 г. издательством Некрасова была подготовлена к печати первая большого формата и обильно иллюстрированная, с обложкой, выполненной С. Малютиным, монография «Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле». Муратов сообщал письмом из Москвы, что проспекты издания имеют успех, знатоки в лице знаменитого И. С. Остроухова [19] горячо сочувствуют инициативе и что сам он, Муратов, когда книга выйдет, напишет в «Русские ведомости» статейку «Ярославль» [10. С. 341].

Статья с таким названием действительно появилась, но подготовлена была Б. Зайцевым. Муратов и Зайцев побывали в Ярославле в декабре 1913 г. Муратов, приехавший сюда не впервые (сведения об уникальных ярославских иконах и фресках уже вошли в написанную им работу [15. С. 239–244]), какое-то время жил у Некрасова, «налаживая» первый номер «Софии».

О выходе журнала с 1 января 1914 года было объявлено в московских газетах [10. С. 231]. Анонсировал журнал и ярославский «Голос» [1. С. 3]. «София» ставила своей задачей изучение древнего русского искусства рядом с европейским и теми же самыми методами, чтобы таким образом верно понять его историческое место [12. С. 57]. Конкретизировало представление о характере журнала содержание двух первых его номеров, намеченное здесь же в виде перечня солидных авторов и их публикаций о русских изразцах и церковном шитье, итальянских примитивах и теориях барокко. Репродуцирование художественных произведений придавало изданию вес. Усилия Некрасова гарантировали высокое качество производства «Софии».

Б. Зайцев, связанный с Муратовым дружескими узами, был заинтересован в успехе нового предприятия, но в подготовке журнала участия не принимал. Еще не знакомый с Ярославлем, он осматривал город в компании критика С. Голоушева, снискавшего популярность под именем С. Глазола, и А. Койранского, также пишущего об искусстве. Визит москвичей был коротким, но впечатление произвел сильное, о чем Б. Зайцев тогда же дал знать И. А. Новикову, писателю, как и он сам, сотрудничавшему с «Книгоиздательством К. Ф. Некрасова»:

«Я пробыл в Ярославле два дня. Один день мы с утра осматривали церкви. Много меня удивило и поразило. В некоторых отношениях я не видал подобного на Западе. Церковь Иоанна Предтечи вся сплошь записана фресками! И все это настоящее искусство. Каждую фреску можно рассматривать отдельно, – не говоря уж об эффекте целого» [10. С. 233].

Очерк Б. Зайцева появился в одном из первых номеров «Голоса» за 1914 г. и был новгородным сюрпризом для ярославцев. Перепечатанный из «Речи», он адресовался в первую очередь искушенным московским читателям и содержал попытку рассмотреть церковную архитектуру и живопись Ярославля в связи с мировой художественной культурой, в сопоставлении с европейским барокко. Возможно, контекст был выбран не случайно, а под воздействием готовившейся к выходу в свет «Софии», общения с ее издателями.

Однако едва ли не более интересными оказались так свойственные Зайцеву-очеркисту импрессионистские зарисовки города, наброски к портрету горожан, подтверждаемые бытующими представлениями об их нравах и близким знакомством с одним из них – К. Ф. Некрасовым. Писатель вновь как будто приближался к городу, беря его в объектив своего внимания:

«В незнакомый город лучше въезжать вечером или ночью: потому лучше, что меньше видишь деталей. Целое сильнее доходит до души.

Такое целое, внутренний облик, имеет каждый город. Его чувствуешь, обычно, очень быстро <...>, ночью даже ярче, чем днем. Кажется, в темноте, стоя с закрытыми глазами на улице, отличишь Флоренцию от Берлина.

Ярославль начинается с извозчика, который вас везет. Говор на О <...> сразу дает круглое и крепкое впечатление *русского*. Очень здорового, симпатичного и способного народа, живущего тут. Это потом оправдывается повсюду: недаром ярославцы слынут людьми прочными, жизненными, сметливыми. <...>

Второе впечатление – при переезде реки Которосли, у самого въезда в город <...> монастырь. По этому монастырю сразу чувствуешь, что попал в город старинного благочестия. Вечерний сумрак, легкая метель, суда в полузамерзшем Затоне, и густой, мягкий благовест. <...>

С первого же взгляда нравятся его широкие улицы, белизна снега на них, неторопливый ход людей, солидные торговые ряды, театр – стариннейший в России, старые бульвары, большие площади и, главное конечно, церкви <...>» [8. С. 2].

Очень скоро война изменит привычный ритм жизни города, усилит пульсацию его сердца, «медленного, но крепкого», к которому Б. Зайцев призывал прислушаться.

А пока не без участия Некрасова привлекательность Ярославля как места культурного паломничества росла, и ярославцы не оставались без культурной опеки. «Голос» предоставлял своим подписчикам возможность быть в курсе московской художественной жизни. Так, в нескольких январских номерах были напечатаны обзоры столичных выставок живописи и театральных постановок, специально подготовленные для ярославской газеты уже упомянутым Сергеем Глаголем. Приехав в Ярославль, он выступил и как лектор «по вопросам искусства» [17. С. 3].

Для Некрасова московские выставки были поводом для приобретения новых картин: его увлекала современная живопись, он выказывал интерес к Малютину, Сапунову, Сарьяну [10. С. 233, 236–237], пытался возбудить этот интерес и в Софье Леонидовне, которая должна была стать вездесущей москвичкой. Как жену он вводил ее в круг своих именитых знакомых. И все-таки ту часть жизни Некрасова, которая была связана с «Софией», издательством, да и с общественными делами в Ярославле, Софья Леонидовна только наблюдала.

Новый 1914 г. молодые сотрудники «Софии» шумно встречали в московской редакции журнала, в чем Зайцев письмом весело отчитывался перед Некрасовым [10. С. 235], к нему присоединился воздержавшийся от рассказов Муратов: «Очень, очень жаль, что Вас здесь не было» [10. С. 234].

Некрасов встречал Новый год в кругу близких, в Карабихе. Софья Леонидовна и Таня были с ним, Таня даже задержалась в именье на неделю. Стояли сильные морозы, и, отправляя ее теплым возком в Москву ли, на ближайшую ли железнодорожную станцию, из-за холода отказывая ей в просьбе заехать «в город», Некрасов писал об этом Софье Леонидовне. Однако основное содержание письма составляли все-таки новости антикварные.

В осуществлении своих обязанностей по магазину она была старательна, а он снисходителен к ее промахам в торговле. Не всегда и его поиски антиквариата давали ожидаемый результат: Некрасов признавался, что сам делает много ошибок, покупает «ерунду». При этом он пытался поддержать в Софье Леонидовне положительный настрой, созданный первыми успехами ушедшего года: «...я почему-то, как и Вы, думаю, что вообще дело у нас теперь пойдет лучше». Собираясь к ней в Москву на день-два, как только удастся «наладить» набор 2-го номера «Софии», Некрасов предлагал: «Когда я приеду после 2-го номера, давайте опять съездим куда-нибудь. Напишите в Муром или в Ржев...» [3. Л. 1.-1 об].

Становится очевидным, что Софья Леонидовна иногда сопровождала Константина Федоровича в поездках, география которых определялась не только его интересом, но и ее связями. Без сомнения, заинтересованность в успехе была общей, но формула успеха менялась в представлении Некрасова: появилась мысль перебраться на жительство в Москву, переместив туда «центр дела»:

«Типография в Москве не даст убытков и не будет стоить слишком дорого. Важно мне жить в Москве и для журнала. Наконец, об антикварных делах и говорить нечего; и Вам легче ...» [3. Л. 2].

Мотив создания полноценной, как сегодня сказали бы, семьи в письмах отсутствовал. Культурные амбиции, общественная польза, познание в широком смысле слова – вот что увлекало его, заставляя жертвовать общим домом и семейным очагом. Зимой он планировал летнее путешествие в Персию за миниатюрами, обсуждал перспективу с Софьей Леонидовной. Финансовая выгода от продаж, хоть и не сбрасывалась со счетов, не была главной:

«Здесь не пугает меня, что в миниатюрах никто и ничего не понимает; поймут – придет время [20]. Осенью перед открытием нам придется, вероятно, устроить что-нибудь вроде вернисажа. В художественном отделе у нас будут: 1) иконы, 2) картины, рисунки, скульптура, гравюры и 3) персидские миниатюры (лучшие). Картин куплено на 2000 р. Икон и шитья для продажи тоже на 1500–2000 р., причем икон есть штук 12–15 недурных и шитья вещей 15. В этой области покупки можно усилить как угодно: не опасно» [3. Л. 2-2 об.].

Письма Некрасова из Ярославля в Москву следовали с интервалом редко более недели и были наполнены рекомендациями к торговле, просьбами, с ней связанными, сведениями о результатах собственных поездок. Они ясно указывали на характер антикварных поисков. Из-за множества дел визиты его в Москву часто откладывались. Софья Леонидовна сама наезжала в Ярославль, с оказией передавала посылки – ее заботы имели вполне «домашний» характер.

«Милая Софья Леонидовна, – писал Некрасов, – послал Вам <...> выписку вещей с ценами. Всего по покупке на 408 рублей. Вещи прелестные, но дорогие <...>. Вчера купил здесь еще кое-что и тоже очень дорого; между прочим, чашка с гербом Аракчеева <...>.

Живу по-прежнему сумбурно, обуреваемый множеством идей и фантазий, одна другой грандиознее... и нелепее»;

«...Живу я что-то плоховато, поразбил нервами. Был в Вологде, но купить ничего не пришлось. На фарфор цены дороже московских, да и нет его <...>. Зато есть кое-какие виды на иконы <...>.

Из Вологды вернулся ночью <...> и в самом ужасном духе. На другой день чувствовал себя неладным, не помог даже приезд П. П. [Муратова – Г. М.] и привезенная им прекрасная икона Богоматери. К вечеру, впрочем, наладил дело: взял ванну. Ну, будет о себе. Какживаете Вы? Спасибо за присылку хлебцев и пр. Через неделю буду в Москве и проживу недели полторы-две. <...> А пока всего доброго, не хворайте и не хандрите»;

«Приезд мой в Москву задерживается. Кроме того, сегодня еду в Рыбинск. Завтра там аукцион старинных вещей <...> и здешние торговцы, кажется, об этом не знают. <...> Так, всего доброго, рад, что Вы <...> немного поправились, а о том, что мало продали, не говорите».

Следующее письмо содержит солидный перечень приобретений, возможно, с поездкой в Рыбинск и не связанными. Это была мебель карельской березы, все вещи прекрасные, хоть частью и нуждавшиеся в реставрации – Екатеринбургской эпохи.

Упоминание о забытых туфельках подтверждало, что Софья Леонидовна побывала в Ярославле. Возобновились намеки на доверительный характер их общения («чувствую себя хорошо и веду хорошо»). «Всякие посасывания

в сердце прошли, прошел и кашель. Весной, когда придет брат [Владимир, практикующий московский врач – Г. М.], займусь своей особой основательно, – обещал Некрасов. – А пока воздержание» [3. Л. 6-6 об.].

Можно только догадываться, что «воздерживаться» следовало от долгих ночных разговоров за бокалом красного вина с наехавшими друзьями, от многообразной дневной работы, от утомительных поездок – того, что, по сути, составляло его жизнь. На словах Константин Федорович готов был «вести себя хорошо», но... в этом же письме видим: «Завтра еду в СПб, где пробуду дня 3–5 [в Петербурге у Некрасова был книжный склад, магазины, или торговые точки, по-нашему – Г. М.]. Может быть, вернусь через Москву, но едва ли».

По возвращении его поглотил новый водоворот дел. Беспокоило здоровье, но не свое, а Софьи Леонидовны, упрямо предпочитавшей лечить нарывы в горле и ухе «своими средствами»:

«Бодритесь, милая, и пишите, сколько можете, не затрудняйте себя. Если очень измучитесь, дайте депешу – приеду подбодрить Вас (и по привычке побранить-таки?). А пока...» [3. Л. 8].

А пока он рассказывал о добытом немалым трудом: «Вчера весь день покупал. <...> Купил за 175 р. 2 фигуры Сипягина; одна бесподобна: голая девушка держит на коленях амурчика; я оцениваю ее не меньше 300 р.; другая тоже недурна, но хуже. Обе совершенно сохранные. За 125 р. Купил бронзовые часы, довольно красивые, стиль империи, и пожалуй, Люд<овика> 16. За 125 р. Купил 2 глинян<ые> вазы с живописью <...>. Это итальянская майолика, вопрос только, какой эпохи. Марка М. Italia: посмотрите в каталогах. Еще купил немного мебели и тканей. Все привезу с собой» [3. Л. 7 об.].

Еще раз отметим, что Некрасов писал Софье Леонидовне часто, особенно если она начинала, как в этот момент, прихварывать. О здоровье ее он узнавал из разных источников: от приехавшего в Ярославль П. С. Сухотина [21], из писем к нему его жены Клавдии Григорьевны, от звонившего по телефону П. П. Муратова. Радовался, когда опасность ухудшения миновала, советовал больше есть, наверстывая упущенное, гулять на солнышке: начинался март.

Сам он спешно собирался в Персию. Неотложные, как всегда, дела отягощали сборы, и, несмотря на удовольствие последних приобретений (среди прочих 2 вещи Лансере [22], привезенные из Москвы Сухотиным), чувствовал себя «отвратительно» [3. Л. 9–10 об.]. Поправлял самочувствие тем, что «валялся и читал Чехова» [3. Л. 10].

Это была обнадеживающая попытка чуть задержать напор событий, нейтрализовать будничную суету иллюзией спокойствия, погрезить о собственной усадьбе, о саде. Муратов, например, утверждал, что у Чехова «было чувство какой-то медленной, на месте стоящей жизни»: «Как удивительно, что он окончательно поверил в мирное, с ленцою, русское житье. Искусство имеет странный дар быть убедительнее, чем сама жизнь» [12. С. 252]. И тот же Муратов констатировал, спустя годы, что жизнь, предшествовавшая августу 1914-го, обуревала всевозможными беспокойствами, казалась лихорадочно напряженной:

«Мы постигали Россию не той, какой изображали ее для нас старые интеллигентские трафареты. <...> Поглотительная и производительная способности ее были необыкновенны. <...> Те из нас, кому Бог послал какие-либо способности, успели проявить их» [12. С. 254].

Недюжинные способности Некрасова и заключались в том, что он издавал, продавал, покупал, строил и оборудовал, умиряя азарт расчетом, и только мечта «о саде» оставалась невоплощенной.

После двадцатого марта Константин Федорович отбыл в Персию. И снова, как уже не однажды до этого, беглые, но впечатляющие заметки, сделанные в начальном пункте маршрута, и долгожданное предлинное письмо с многократными дополнениями вслед сказанному исписанными полями будоражили воображение оставленной женщины, воссоздавая развернутую картину его вожделенных мытарств:

«...Пишу Вам с парохода “Цесар<евич> Александр”, который везет нас <...> 12 день благополучно <...>. Покачивает, но я чувствую себя хорошо и спал отлично, с открытым окном, хотя было довольно свежо. Пароходик небольшой, почти как волжский, чисто. Публика, которая едет с нами, приятная <...>, рассказывали нам о дальнейшем пути до Тегерана. Ехать придется долгонько и на лошадях; это неожиданно и портит наши расчеты, но делать нечего.

Дорога <...> хорошая и совершенно спокойная, верст 360. На протяжении 225 в<ерст> стоят наши войска, и, по словам офицера, который с нами едет, <...> в Персии куда безопаснее, чем на Кавказе.

С Андр<еем> Андр<еевичем> [23] ладим хорошо: он неприхотлив и покладист...» [З. Л. 15–15 об.].

В другом месте, правда, не удержался от откровения по поводу неожиданного «изъяна» своего спутника:

«...Он очень болтлив и необычайно любезен со всеми, вплоть до нашего гида. Это, конечно, не большая беда, но отнимает много времени, а иногда создает неловкое положение».

Объяснив затянувшееся молчание, продолжал:

«...Не писал Вам <...>, право, не было возможности. Сперва ехали до Тегерана трое суток, а как приехали, начался сумбур <...>. Живем хорошо, знакомых много, и в Тегеране чувствуем себя как дома.

Тегеран интересен, но <...> востока в нем не так много.<...> Искусством здесь никто не увлекается, и большинство даже не подозревают, что такое существует; ни музеев, ни библиотек нет и в помине» [З. Л. 16, 16 об.].

Далее следовал рассказ о покупках, о предстоящей поездке в Фей, старую столицу Персии, об осмотре шахского дворца, что обещал им воспитатель шаха кап<итан> Смирнов, об особенностях пути в Исфаган, о многом другом.

В круговерти происходящего возникла короткая остановка, и Некрасов, как кажется ему, пишет «бестолково», сразу обо всем. Но как много привлекательного в этом ворохе подробностей и повторов:

«...Живем мы во французской гостинице <...> чисто, тихо, кормят сносно. Приехали сюда в самом необычайном виде: от жары физиономии наши сделались ярко-красными, глаза вспухли, теперь вся кожа лупится»;

«Живем мы среди людей русских и персидских. Русские служащие в банке и кап<итан> Смирнов <...> очень любезны. Были с визитом у Ходжи-Сайяха, старик около 80 лет, добрый и приветливый, говорит по-русски и по-франц<узски>. Изъездил полмира <...>; в России последний раз был лет 40 назад, но язык не забыл. С ответным визитом был у нас его сын Фамид-хан; этот учился в России, кончил уни-

верситет и сейчас служит в Перс<идском> министр<ерстве> иностр<анных> дел. Хаджи-Сайях обещал нам письмо к своему другу – исфаганскому губернатору; капитан Смирнов дал карточку к начальнику персид<ских> вооруж<енных> сил в Исфагане; местные чиновники банка – письма к своим товарищам. Как видите, мы устроились хорошо.

Очень хотелось бы проехать в Шираз, но не позволяет время. Шираз от Исфагана 600 верст, т. е. 8–6 дней пути. Да, кроме того, и дорого это страшно...»;

«Купили порядочно <...>. Особенно восхищают меня <...> огромные изразцы, вероятно, от мечетей – необычайной красоты. Коричневый с золотым отблеском узор, и на нем выпуклая круглая синяя надпись. <...> Хороши также и некоторые вещи из раскопок в Фесе»;

«Погода эти дни стоит пасмурная, ходить легко. <...> Цветет сирень, глициния, фруктовые деревья, но розы еще не распустились. Словом – весна, и не поздняя еще. Воображаю, что будет летом...»;

«Пасху будем встречать в Тегеране, вероятно, при консульстве есть церковь, хотя бы домовая...».

И летела следом депеша: «MSK TWERSKAJA GLINICHWSKI FRSPANAN LAWKA DREWNOSTEI SHERBA = CHKISTOS WOSKRESSE PRIWET ZDOROWY = NEKRASOW».

Некрасов писал, не скрывая очарований и разочарований, об этнических соблазнах:

«Город мало интересен. Наср-Эдин Шах пытался переделать его на европейский лад – и город почти потерял свой восточный колорит. Восток хорош нетронутый, европейская цивилизация портит его и превращает в какую-то оперетку дурного тона. Надеюсь, что Исфаган в этом отношении будет лучше»;

«Сегодня совершили прогулку в Фей. Это верст 7–8. Пятница – мусульманский праздник, и за городом множество народа; много женщин, которых я всячески стараюсь рассмотреть. Среди молодых персиянок есть очень хорошенькие и отлично умеющие стрелять своими черными глазами.

В Фее мало интересного, а прославленная мечеть Шах Абдул Азима много хуже голубой мечети в Тавризе. Завтра едем осматривать загородные шахские дворцы, берем с собой завтрак и рассчитываем провести день отлично. <...>

Может, еще успею приписать что-нибудь до отправления письма. В Исфаган едем 30-го» [3. Л. 16–19 об.].

Последняя приписка сделана 28-го апреля. Майская встреча в Москве нигде не отображена, и письма возобновились, когда в начале июня дом покинула нуждавшаяся в отдыхе и поправке здоровья Софья Леонидовна.

Что-то существенно изменилось в их отношениях, поскольку мы видим обращение «милая Соня» в сочетании с интимным «ты» – первым за годы переписки. Константин Федорович волновался, как она добралась до Сочи, следил по газетам за погодой, за морем, поскольку от Сочи до Феодосии она должна была добираться пароходом – сам он качки побаивался.

В Ярославле Некрасов погрузился в водоворот неотложных дел. Беспокоило настроенные сотрудники: «хандрил» нечаянно обиженный им Сухотин, «кис» в Москве Щекотов [24], живший в Париже Муратов вел себя «плохо», «полуночничал и был кране утомлен». Отсутствие пояснений говорило, что Софья Леонидовна, более прежнего посвященная в его «внутреннюю жизнь», сама могла судить о причинах тревоги.

Впрочем, Муратов скоро прислал «бодрое письмо», которое Константин Федорович пересказывал ей в подробностях. Покупка картин, порученная Муратову, шла полным ходом: нашел «китайку», прелестную и дешево, всего за 250 франков, штук 5–6 «вошедших в известность» французов, на которых большой спрос. Телеграммой Некрасов просил купить еще «китайцев», бывших в моде, для магазина. О персидских вещах Муратов сообщал просто чудеса [25].

Некрасов радовался, что его поездка на Восток была удачна, и «персидский отдел» в магазине получится прекрасным. Интересно замечание о том, что из Персии «идут еще чашки, до 8 штук», которые он только что «купил телеграммой».

Далее Константин Федорович сообщал, что строить типографию (все-таки в Ярославле, а не в Москве) еще не начал, что после долгих раздумий типографское здание решил делать не в один, а в два этажа и надеется к 1 сентября, как и планировал, начать работать в новом помещении.

Легко и с удовольствием сотрудничал он с Николаем Сергеевичем Ашукиным, которого «находил прекрасным работником». Тот и сам

был увлечен работой: готовил кое-какие книжки для лубочного издания [26], лично копировал имеющиеся у Константина Федоровича письма Н. А. Некрасова для тома его переписки, прежде не издававшейся [27].

Писал Некрасов и о новой «драгоценной» затее – издании Евангелия. Остроухов, по его словам, одобрил идею и выразил готовность помочь, взяв на себя хлопоты перед духовенством. Это побуждало к очередной поездке в Москву. А пока, заверял Константин Федорович, он живет «тихо и смиренно», встает рано, усиленно работает, почти ничего не пьет, а потому достоин похвалы.

Одна досада, что квартиру, присмотренную для Софьи Леонидовны, Некрасов «упустил»: хотел «устроить» ее на остаток лета в Ярославле, но Карабаху почему-то отвергал, а собственную квартиру как место жительства для нее считал лишенной необходимых удобств [3. Л. 8–8 об.].

Его волновало то отсутствие писем от Софьи Леонидовны, то их задержка, и он не сразу догадался, что сам «намудрил» с адресом. Поглощенный делами, о них писал много и охотно. От Павла Павловича получил еще письмо. «Он покончил с Парижем, купил порядочное количество французов и четырех китайцев». Последним был очень рад, не сомневаясь, что «они бесподобны». Теперь Муратов покупал в Венеции иконы, и Некрасов надеялся, что «авось на счастье попадет ему одна-другая икона византийская», ведь на них в России была «страшная цена», да и художественная их ценность непревзойденна.

Получив ответ от Софьи Леонидовны, снова спрашивал о здоровье, о погоде, сообщал, что деньги на обратную дорогу перевел телеграфом. Его уже беспокоило не только ярославское жилье для Софьи Леонидовны (махнув на все рукой, он звал ее к себе), но и московская квартира, которая должна была стать общей. Описанию подвернувшихся вариантов и было посвящено его июльское послание, по тону, по слогу совсем свойское:

«...Измучился я этими квартирами, а все без толку. Совался в конторы, к студентам, и сам просто по ярлыкам [3. Л. 14 об., 15]. Лучшая из того, что нашел, на углу Петровки, д. Самариной; 16 комнат с отоплением, отдадут за 6.500. У Никитских ворот – по 4 комнаты в 2-х этажах, очень дурацкие, будет переделка, сейчас получают 2.400, но, вероятно, набавят – хо-

рошо для магазина, но плохо для Галереи. В Б. Чернышевском переулке 6 прекрасных комнат в 1-м этаже – с отоплением 2.600 р.; и для Галереи, и для Лавки «не слишком подходит» из-за близости конкурента, некоего «неразб.». На Никитском бульваре, 19 есть 7 комнат за 2000 р. – «дрянь»».

Квартира на Страстной пл<ощади> против стен монастыря, в которую он просто «нахально вторгся», подходящая, но дорогая [3. Л. 15 об.]. Констатируя дороговизну, Некрасов часто ею пренебрегал, добиваясь желаемого:

«Одна комната с большим окном для выставки впору. Открытая лесенка в два марша, и во 2-м эт<аже> мал<енькая> проходная и 5 прекр<асных> больших комнат. Тут же еще 3–4 плохие комнаты, а если считать с антресолями, то 4–5. Антресоли надо уничтожить, и тогда выйдут хорошие комнаты для жилья. Как видите, на все может хватить. Место тоже хорошее. Цена 3.500 без отопления. Надо считать 4.000. Но уступят ее или нет – вопрос. Там сейчас мебельный фабрикант, богатый человек. Я говорил с его сыном. Им <...> нужна Петровка или Кузнецкий. В субботу дадут ответ» [3. Л. 15 об.].

Описав еще одну сомнительную квартиру, рекомендованную помощником, заключал: если поиски не завершатся в субботу-воскресенье, придется жить в Москве еще неделю и тогда уже «не зевать»: «хорошие квартиры передаются и сдаются мгновенно» [3. Л. 15 об.].

Некрасов же торопился в Вязьму, где отыскалась большая партия карельской березы, потом в Ярославль на 2–3 дня, и снова в Москву, чтобы встретиться с Софьей Леонидовной.

Софья Леонидовна благополучно вернулась, приехал из Италии Муратов. Она успела получить от него приветственное письмо и купленную по ее просьбе книгу [28].

Конечно, тревоги, которыми жила Европа, достигали России, выливались на страницы газет. И все-таки август 1914 г., по свидетельству Муратова, поспешившего в деревню с целью заняться писательством, застал москвичей врасплох:

«Мне говорят, что у многих в начале того лета были страшные предчувствия. У себя я их не помню. Однажды в Венеции, после полудня, в неурочный час, я услышал из комнаты гостиницы крик газетчиков внизу на Рива Дельи

Скиавони. То было известие об убийстве эрцгерцога. <...>

Я успел тогда все-таки попасть в Россию. <... > В имении, находившемся в южном конце Петербургской губернии, где я собирался проводить лето, все было тихо... Стояли жаркие дни, горели леса, синяя дымка лежала на низком горизонте тех мест. Волнуясь, мы выходили под вечер на шоссе ждать газеты. Не знаю почему, у меня вдруг появилась надежда, что как-то все обойдется. <...> Однажды вечером я решил отбросить тревогу, начать работать, жить обыкновенно. <...>

Думая писать третий том моей книги об Италии, я поставил заголовок – «Парма». Помните, после того написал я полторы страницы и лег спать. На душе у меня было смутно, я вспомнил газеты... Меня разбудили на рассвете. Мой друг телеграфировал из Москвы: «Объявлена мобилизация»» [12. С. 256].

Вслед за Муратовым на фронт ушел Щекотов, другие сотрудники «Софии». Некрасов был вынужден объявить подписчикам о закрытии журнала. То была первая уступка войне.

Не подлежащий мобилизации по состоянию здоровья, Некрасов погрузился в дела, о которых 14 августа писал, как всегда, Софье Леонидовне. Из неясного телефонного разговора с нею накануне («или ты не умеешь говорить, или я слушать») он понял только, что бывший его соратник по партии кадетов князь Д. И. Шаховской затевает газету, посвященную войне, и зовет его принять участие.

«Милая Соня <...>. Ты знаешь, как я горел журналом, но обстоятельства были против меня, теперь же заговорил и разум. Я и до сих пор уверен, что такой журнал дал бы мне значительные выгоды, но отказываюсь от них, ибо не нахожу в себе достаточно энергии. Тем более не приму участия в газете; здесь надо и больше энергии, и гораздо больше средств, и, наконец, есть сомнения, как пойдет дело, чего не было с журналом. Вчера по этому проклятому телефону не мог тебе все это сказать, да и устаю я к вечеру, мозги плохо шевелятся» [3. Л. 20].

Видно, что политические соображения он вообще не брал в расчет, а его патриотический настрой проявится в другой деятельности. О Дмитрие Ивановиче он будет вспоминать в письмах, но чаще в связи с желанием приобрести кое-что из его коллекции картин.

Потребность в помещении для лавки и галереи не отпала – к этой уступке войне он не был готов:

«Думаю, что надо брать в доме Самаринной; возможно, что в нов<ом> году горизонт уже прояснится, и тогда работа у нас закипит. Но если ты вздумаешь с кем-нибудь посоветоваться, все найдут безумием снимать сейчас квартиру в 6000 р.» [3. Л. 20].

Окончательное решение оставлял до своего приезда в Москву. Таня с ним в Ярославле «жила – не скучала», но целый день была без присмотра, и это Константину Федоровичу не нравилось: планировал захватить ее с собой. Признавался Софье Леонидовне, что сам живет не слишком хорошо, пребывает в какой-то горячке:

«От журнала, как ты знаешь, перешел к брошюркам. Увлечся этим делом очень и сейчас изготовил уже больше 30 тем и заголовков. <...> Ищу авторов, кое-кого уже нашел, но мало. <...> Прошу, поговори за меня с Лидией Владимировной [29] и с Серг. Серг. Голоушевым. Наверное, они оба возьмутся написать что-либо. Писать надо очень быстро – несколько дней, дело срочное» [3. Л. 20 об.].

Подробно инструктировал Софью Леонидовну, указывая допустимый объем рукописи, единственно возможный размер гонорара и условия поступления труда автора в личную собственность издателя.

Эмоциональность тона и его естественные перепады от безапелляционного, каким дают указания служащим, до снисходительного, каким советуют близкому, и нежного, каким благодарят, просят простить и прощаются с любимыми: «...всего хорошего, милая, целую тебя, обнимаю, не скучай, приеду, твой...».

Софья Леонидовна все больше становилась «женой», и эта роль вбирала в себя все остальные. Она принимала по описи вещи для магазина, прибывшие по железной дороге, оценивала их сохранность, заказывала рамы для шитья, рисунков и картин, забирала отреставрированные иконы, регулировала, по совету Константина Федоровича, цены, продавала, занималась обустройством их московской квартиры.

Он в Ярославле заканчивал постройку типографии, печатал книжки для деревни, издавал «Библиотеку войны» [30], при этом продолжал покупать антикварную мебель, серебро, по-прежнему интересовался древностями Востока. Дела «захватили» его, и, несмотря на по-

стоянную занятость и усталость, он был удовлетворен результатом:

«Живу тихо, работаю бурно <...> в типографии сравнительный порядок. Перебираемся в новое помещение, и новая машина работает уже там. <...> Возимся с “Библиотекой войны”, и вместе с тем я готовлюсь к лубку и вообще к дешевому издательству, частью учебному. Знаешь, милая, приходится мне признаться, что такими книжками, какие я издавал, не проживешь. Надо что-то другое, и вот думаю, что это другое я сейчас поймал и держу за хвост. <...> Начинать эти новые отделы мне будет легко: имя издательства у меня хорошее и солидная сейчас на книжном рынке фирма» [3. Л. 25–25 об.].

Некрасов по обстоятельствам находчив: чтобы продать уже изданные книги, меняет на них обложки, тем самым уменьшая цену и пополняя каталог книг, назначенных для народных библиотек и малоимущих покупателей. Сознание отдела дешевых книг дало ему возможность издавать классиков и экономить на авторских гонорарах. Он не отказался от издания прежних книг, изящных, дорогих, но ограничил его и, соглашаясь с доводами Софьи Леонидовны, отложил до лучшего времени выпуск задуманного вместе с нею антикварного журнала.

Софья Леонидовна выступала в качестве казначея, высылая, по его просьбе, разные суммы в зависимости от степени его нужды и характера покупок, иногда прибегая к займу. «Кажется, предстоит мне здесь интересная покупка, – писал Некрасов, – поэтому, пожалуйста, переведи <...> сколько найдется у тебя денег. Хорошо бы рублей 1000; может, возьмешь у мамы – она говорила ведь, что у нее есть» [3. Л. 28].

Они по-прежнему встречались и расставались, занятые каждый своим делом. Но вот среди перечня новых приобретений и цен, коротких рассказов о житье-бытье и расспросов о здоровье видим:

«О многом я, милая, думал, когда ехал по железной дороге; в частности, о наших отношениях и о том, что их надо оформить. Знаю, что ты не придаешь этому большого значения, а все-таки надо. Чувствую себя виноватым, что раньше не подумал об этом» [3. Л. 29, 29 об.].

Решение и этого вопроса было оставлено до встречи.

В ноябре 1914 «Лавка древностей» переехала-таки в новое, более обширное помещение

на Петровке, 25. Здесь предлагался большой выбор старинной мебели карельской березы и красного дерева. Пополнились и другие отделы, были выставлены на осмотр и продажу «китайцы», купленные Муратовым в Париже [3. Л. 30 об.].

По нынешним представлениям, это был салон-магазин. Дела здесь шли неплохо. Письма свидетельствуют: Некрасов учил Софью Леонидовну торговать гибко, расчетливо, не без хитрости. Она сама все чаще наезжала в Ярославль; все более явной становилась их забота друг о друге, открытой радостью коротких встреч. Не потому, что этого совсем не было прежде, а потому, что Константин Федорович стал об этом говорить с нею.

«Приезжай, – звал он в начале ноября, – дорога у нас гладкая, ровная, и погода мягкая – хоть немного покатаемся»;

«Привези еще вина красного, сколько положится» и «если не забудешь, привези, пожалуйста, открытки, <...> мне они нужны для обложек, которые мы сейчас делаем к лубочным книжкам. Увлекаюсь ими <...> страшно и дрожу: как-то пойдет! Ведь всякой вере в себя бывает конец; кажется, и моей скоро придет» [3. Л. 32].

Тяжелое предчувствие, связанное с войной и ею же обусловленной неразберихой [31], охватывало его. Надо признать, что он еще пытался стать опорой для своих сотрудников, хотел оставаться таковой для друзей. Приезжал в Ярославль П. С. Сухотин. Подавленный, он первым выказал неверие в скорую победу и апокалиптическое настроение.

«Зачем он приезжал, Господь ведаёт, – признавался Некрасов в письме Софье Леони-

довне. – Тоска на него смотреть: как-то совсем человек опустился». И тут же о себе: «Не знаю, куплю ли что в Нижнем, еду просто с тоски» [3. Л. 35, 35 об.].

Он хотел поехать в прифронтовой Львов, просил Софью Леонидовну навести в Москве справки о возможности такой поездки. А пока его дорога лежала в Муром и другие «два места» – «смотреть вещи». Размах его приобретений, судя по описи посылаемого в Москву, был еще велик.

Подчеркнутое внимание к жене сказывалось в том, что он дарил ей счастливо найденные предметы обстановки, искал старую, то есть знакомую и надежную, прислугу, слал с оказией масло, пекся о ее здоровье: Софья Леонидовна ждала ребенка. Навещал, однако, не так часто. И пусть не все вокруг было подвластно его хозяйской хватке, жизнь не только рушилась, но и зарождалась с неизбывной надеждой на лучшее:

«Милая Соня, доехал я хорошо и сейчас опять погряз в куче дел. Книги, типография, антиквария, лазарет – прямо какой-то калейдоскоп...» [3. Л. 37].

Круто и неотвратимо менялась судьба многих, думая о которых в далекие пока 30-е, П. Муратов напишет: «Да, мы успели начать жить, но не успели дожить! Наши дела не доделаны, наши книги не дописаны, наши слова не досказаны. Война дана нам была в изобилии, но мира было отпущено нам слишком немного» [12. С. 256].

А Некрасов скажет, итожа былое: «...Что смогли сделать – то сделали» [11. С. 56].

Библиографический список

1. Голос. – 1915. – № 25. – 31 янв. (12 февр.)
2. ГАЯО. – Ф.-952. – Оп. 1. – Д. 148. – 1 л.
3. ГАЯО. – Ф.-952. – Оп. 1. – Д. 331. – 38 л.
4. ГАЯО. – Ф.-952. – Оп. 1. – Д. 332. – 18 л.
5. ГАЯО. – Ф.-952. – Оп. 1. – Д. 340. – 1 л.
6. ГАЯО. – Ф.-952. – Оп. 1. – Д. 322а. – 1 л.
7. ГАЯО. – Ф.-952. – Оп. 1. – Д. 34. – 2 л.
8. Зайцев, Б. Ярославль [Текст] / Б. Зайцев // Голос. – 1914. – № 3. – 4(17) янв.
9. Зайцев, Б. Письма из Италии. Флоренция [Текст] / Б. Зайцев // Перевал. – 1907. – № 10. – С. 15–19.
10. Из истории сотрудничества П. П. Муратова с издательством К. Ф. Некрасова [Текст] / вступит. ст., публ. и ком. И. В. Вагановой // Лица: Биографический альманах. 3. – М., СПб.: Феникс: Atheneum, 1993. – С. 155–265.
11. Лидин, В. Г. Друзья мои – книги. Рассказы книголюба [Текст] / В. Г. Лидин. – М.: Современник, 1976. – 380 с.
12. Муратов, П. П. Ночные мысли [Текст] / П. П. Муратов; сост., вступ. ст. и ком. Ю. П. Соловьева. – М.: Издат. группа «Прогресс», 2000. – 320 с.

13. Муратов, П. Город Великий [Текст] / П. Муратов // Перевал. – 1907. – № 10. – С. 25–28.
14. Муратов, П. П. Образы Италии [Текст] / П. П. Муратов. – М.: Республика, 1994. – 592 с.
15. Муратов, П. П. Древнерусская живопись. История открытия и исследования [Текст] / П. П. Муратов; сост., предисл. А. М. Хитрова. – М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. – С. 75–275.
16. Мурзо, Г. В. «Право отважиться на все»: письма К. Ф. Некрасова к С. Л. Щерба // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – №4 (57). – С. 176–188.
17. О лекции С. Глаголя [Текст] // Голос. – 1913. – 29 нояб. (12 дек.). – № 273.

Примечания

1. Было ли это одно турне или в разное время осуществленные поездки, нам еще предстоит доказать. Письмо из Берлина датировано 24 февраля 1914 г. «Французское» и «итальянское» письма лишены конвертов и указаний на точные даты в тексте: их отнесение к весне 1914 года является проблематичным, так как в это время Некрасов был в Персии. Соединение этих писем в статье – мысленный эксперимент, имеющий целью компактно передать наблюдения путешествующего Некрасова, адресованные Софье Леонидовне, и представить тип послания.
2. Илья Семенович Остроухов (1858–1929) – художник, крупный коллекционер, друг П. М. Третьякова и попечитель его галереи с 1905 по 1913 г. В 1914 г. П. П. Муратовым и К. Ф. Некрасовым была издана книга «Древнерусская иконопись в собрании И. С. Остроухова», высоко оцененная знатоками.
3. В 3-м номере «Софии» была опубликована подготовленная Муратовым статья «*Argi Asiatica*» о выходе первого тома нового французского издания, посвященного восточному искусству. Редактором книги был В. В. Голубев – русский парижанин, востоковед. В мае 1914 г. Голубев писал Муратову, имея в виду и Некрасова: «...чувствую теперь, что работаю не один и не на чужбине, а для своих, для друзей и соотечественников» [10. С. 242].
4. Павел Сергеевич Сухотин (1884–1935) – прозаик, драматург, поэт, секретарь «Софии», автор работы «Древнерусская повесть», опубликованной в 1-м номере журнала.
5. Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946) – российский художник, один из крупных мастеров модерна, член объединения «Мир искусства».
6. А. А. Балакин, деливший с Некрасовым «путешествие в Исфаганию», как говорил П. П. Муратов, был знатоком персидского. Вместе с Сухотиным он перевел с древнеперсидского «Сказки Попугая (Тути-Наме)», которые выйдут в «Книгоиздательстве К. Ф. Некрасова» в 1915 г. [10. С. 238].
7. Николай Михайлович Щекотов (1884–1945) – московский искусствовед, приятель К. Ф. Некрасова. Принимал участие в подготовке монографий по древнерусскому искусству и выпуске журнала «София».
8. «Поехали в галерею на rue de Verri, – писал возбужденно Муратов, – в шикарном квартале, где объявлена выставка *персидского искусства*. Приезжаем. Элегантный, необычный, автомобили у подъезда, внутри лифт и все прочее. По стенам – миниатюры (по каталогу 300 номеров), в середине – витрины с керамикой вроде Вашей, только *Paris совсем нет*, и они признаются, что это большая редкость. Стал спрашивать цены на миниатюры. Вот Вам они: 39 – XV век – 600 фр., 44 – XV – 3500 фр., 164 – рисунок без красок XVII века – 1500 фр., 178 – индоперсид. миниатюра XVII – 10 000 фр., 184 – тоже 10 000 фр. Что Вы на это скажете! И не думайте, что это какие-нибудь исключительные вещи. Это все разряд хороших Ваших. <...> Уверен теперь, что у Вас есть XVI век. XIV и XV несколько отличаются. Простые заставки стоят 300–400 фр. Вообще, с Персией такое сумасшествие, какое я даже не мог себе представить» [10. С. 240].
9. Серия лубочных изданий как книжек для народа задумывалась Некрасовым с 1912 г. Муратов предполагал, что она заинтересует не только писателей, но и художников. Это предположение подтвердилось. К Ф. Некрасову писал М. Ларионов, однако сотрудничество не состоялось [2. Л. 1–1 об.].
10. Николай Сергеевич Ашукин (1890–1972) – литературовед, библиограф, исследователь жизни и творчества Н. А. Некрасова.
11. «Многоуважаемая София Леонидовна, – говорилось в нем, – посылаю Вам книгу о Сезанне, которую привез из Парижа. Стоит она 15 руб., остаток Ваших денег разрешите передать Вам при встрече. Помоему, книга хорошая и Константин Федорович будет ею доволен. Не знаю, как покажется она Вам. Завтра еду в деревню, хочу хоть бы месяц посидеть на одном месте. Желая Вам всего лучшего. Уважающий и преданный П. Муратов» [5. Л. 1].
12. Лидия Владимировна Лепешкина в 1911–1914 гг. была секретарем «Книгоиздательства К. Ф. Некрасова» [10. С. 205].
13. К началу 1915 г. «Библиотечка войны» (так собрание именовалось в газете) насчитывала 47 книг (цена каждого номера 5 коп., пересылка за счет покупателя), которые распространялись через московский и петроградский магазины, ярославское представительство издательства. Некоторые уже выдержали переиздание. Это были художественные и публицистические произведения, исследования,

Краеведение

содержащие анализ современных событий и исторические экскурсы, образцы народного творчества. Среди них значились и ярославцы. Например, П. А. Критский был представлен сразу четырьмя работами: «Из-за чего началась война», «Когда и за что мы воевали с немцами», «Взятие Львова», «Великая галицийская битва» [2. С. 1].

14. 22 сентября 1914 г. работник некрасовской типографии А. Шведов сообщил ему, что несколько партий разносортной бумаги, задержанных в пути, наконец прибыли, и нужна значительная сумма, чтобы их «выкупить», не тратясь еще и на «полежалое», то есть хранение. Типография очень нуждалась в бумаге для газеты и «Библиотеки войны» [6. Л. 1]. Судя по другим письмам, сокращались и откладывались плановые издания, среди прочих книга Н. А. Бердяева [7. Л. 1].